

ФИЛОЛОГИЯ – БОЛЬШЕ ЧЕМ НАУКА?

(Предисловие редактора)

Тимур КИБИРОВ

ДРУГУ-ФИЛОЛОГУ

*Милый друг, иль ты не в курсе,
Что все видимое нами,
Даже если не по вкусу,
Надо говорить словами.*

*Ведь пока его не скажешь,
Милый друг мой, друг мой нежный,
Будет все такая каша,
Безнадежно, неизбежно.*

*Будет скучно беспредельно,
Безобразно и безбожно.
Сделать жизнь членораздельной
Только речь еще и может.*

*Так давай, пока не поздно,
Помогать ей, бедолаге!..
Треплется язык бескостный
Славным флагом на «Варяге».*

1999

Если в России поэт больше, чем поэт, то филология, конечно, больше, чем наука.

После М. Бахтина мы привыкли считать, что «наука, искусство и жизнь обретают единство только в личности», в ее ответственности. Слова Бахтина «за то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней» [Бахтин 1979:5] давно стали своего рода кодексом чести любого филолога.

Благодаря Д. Лихачеву мы свято верим в этический характер литературоведения и филологии в целом, в то, что филология «лежит в основе всей человеческой культуры» [Лихачев 1989:206].

Вслед за С. Аверинцевым мы убеждены: филология является формой самопознания культуры и «службой понимания», выполняя одну из главных человеческих задач – задачу понимания человека, культуры, своей и чужой эпохи [Аверинцев 1987: 467, 468].

После О. Мандельштама, утверждавшего: «Европа без филологии – даже не Америка, это – цивилизованная Сахара, мерзость запустения» [Мандельштам 1987: 62], – мы привыкли даже к некоторой корпоративной снисходительности по отношению ко всему нефилологическому миру.

Однако оказавшись в конце XX в., во времени «пост-» (постсоветская

Помня слова
О Мандельштама
«филология — это семья,
потому что всякая семья
держится на интонации и
на цитате, на кавычках», и
исходя из того, что
филологи Тюменского
университета — это,
безусловно, дискурсивное
сообщество со своим
представлением об истине,
своей этикой познания и
способами поведения, мы
решили предоставить слово
выпускникам нашего
факультета различных лет.
Судьбы их сложились
по-разному, но для всех для
них филология стала
пространством встречи.

Мы предложили нашим
выпускникам три вопроса о
прошлом, настоящем и
будущем филологии.

1. Что Вам дал филфак?
2. Что, по-Вашему,
филология может дать
и дает сегодня конкретному
человеку и обществу
в целом?
3. Стоит ли быть филологом
в XXI веке?

эпоха, посткоммунизм, постмодерн, постструктурализм и т. д.), мы усомнились во всех незыблемых, казалось бы, истинах.

Филология на наших глазах перестала быть тем, чем мы привыкли ее считать — «высшей формой гуманитарного образования» (Д. В. Лихачев), а филфак из «оплота духовности» превратился в массовом сознании в «непрестижный» факультет или, в лучшем случае, в факультет, «широко известный в узких кругах». Было объявлено о внутреннем кризисе и исчерпанности традиционной филологии, ее «интеллектуальной немощи» (Л. Гудков). Мы осознали катастрофизм нашей оторванности от традиций внесоветской — великой русской и мировой филологической мысли и стали гордиться своей провинциальностью, региональностью и т. п. Все это совпало с кризисом русской интеллигенции и гуманитарного образования в целом.

Кризис в переводе с греческого, как известно, означает суд. И если отойти от привычных стереотипов XX в., в соответствии с которыми мы или строим светлое будущее, или возрождаем светлое прошлое, и посмотреть в лицо настоящему, придется, видимо, признать, что строгое время суда, когда все привычные филологические истины поставлены под сомнение, — наше время. Безусловно, прав А. Зорин, утверждающий, что современной филологии не хватает «рефлексии о собственных основаниях» [Философия филологии 1996:91].

Существуя в европейской научной традиции как минимум две с половиной тысячи лет, филология должна осмыслить себя в стремительно меняющейся жизни и прежде всего в ситуации разрушения литературоцентризма российского сознания. Сегодня очевидно, что литература не является, как это было в XIX в. или в советской культуре, «нашим все», уступив почетное первое место в массовом сознании телевидению и в целом визуальной культуре, музыке, а в последнее время — новой книге книг — интернету, сетевой

словесности (так называемой сетературе). Однако этот факт не стал пока для филологов основанием для осознания себя в новой реальности. Мы скорее склонны не замечать изменившихся отношений общества и литературы вместо того, чтобы попытаться осмыслить принципы существования литературы и филологии в новой социокультурной ситуации.

Другой аспект проблемы разрушения литературоцентризма культуры связан с осознанием судьбы мифа о великой русской литературе в XX в. Миф о литературе как воплощении Высшей Правды, о писателе как Учителе жизни, один из важнейших русских мифов, глубоко укоренен в национальной традиции и порожден культурной ситуацией послепетровской России, когда «писатель занял то место», которое в древнерусской культуре отводилось «святому — проповеднику, подвижнику и мученику» [Лотман 1986:118].

Тенденция «преодоления литературы» (А. Д. Синявский), выхода художника в сферу жизни и религии, проявившаяся в XIX в. в творчестве Гоголя, Толстого, Достоевского, в XX в. становится одной из важнейших (если не считать ортодоксальный соцреализм, активно эксплуатировавший миф о литературе как воплощении Высшей Правды). В начале века бунт против литературы и литературоцентризма русской культуры наиболее радикально проявился в творчестве В. Розанова, провозгласившего в 1917-1918 гг. : «Россию убила литература» [Розанов 1990:625], — и мечтавшего о том, что он будет последним русским писателем, а после него люди будут просто жить, не воссоздавая жизнь в литературе. В 1970-е годы протест против литературы с ее претензиями учительства столь же радикально выразил В. Шаламов. «Опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами», — писал он [Шаламов 1989:3]. В конце века, в 1990-е годы, разрушительный характер литературоцентризма русской культуры был осознан Д. Галковским как ее «бесконечный тупик». Писатели и критики поколения «русских цветов зла» (В. Ерофеев) осуществили десакрализацию образа писателя-Учителя и искусства как «возвышающей альтернативы» жизни (Б. Парамонов), в результате чего миф о великой русской литературе если и не потерпел крушение, продолжая питать существенные пласты культуры, то утратил статус главного в национальной литературной мифологии.

На наших глазах вырастает поколение, для которого культура гетерогенна и полицентрична и которое, осознавая противостояние жизни и литературы, выбирает жизнь — и с этим нельзя не считаться ни литературе, ни филологии. Видимо, никто сегодня не возьмет на себя смелость предсказать, какая модель литературы и ее отношений с обществом утвердится в будущем. Во всяком случае теории, рассматривающие XX век как век «культурного промежутка» между уходящей многовековой культурой модерна и рождающимся на наших глазах постмодерном с его идеей множественности культурных парадигм, не сводимости культуры ни к технике, ни к естественным наукам, внушают надежду на возрастание востребованности филологии.

Встав перед необходимостью самосознания в современной социокультурной ситуации, филологи Тюменского университета решили создать на факультете ежегодник «Филологический дискурс». Цель его — не дублирование на факультетском уровне традиционно издающихся на кафедрах сборников (эти сборники ежегодник не повторяет, но и не отменяет), а объединение всех творческих сил факультета для решения проблем филологической науки и образования, выработки новых филологических стратегий (научных и образовательных).

Термин дискурс — один из самых употребительных и неоднозначных в современном гуманитарном знании. Но как бы он ни понимался: в традициях М. Фуко, Т. ван Дейка и т. д., — он, безусловно, принадлежит к тем терминам, которые Ю. М. Лотман называл знаками эвристического пространства науки,

сигналами, указывающими на те области, в которых рождаются новые научные идеи [Лотман 1981:3]. Кроме того, попытка осмыслить феномен филологического дискурса с его «порядком», «властными полномочиями», жизненным контекстом — один из реальных путей к самопониманию филологов.

Первый выпуск ежегодника мы решили назвать «Филология как пространство встречи». Он задуман как первый шаг к осознанию себя в современной социокультурной ситуации. Спросив себя: «Что такое филологический факультет Тюменского университета сегодня?» — мы собрали в едином пространстве встречи все кафедры факультета и наших выпускников, к сожалению, очень немногих. Не умствуя лукаво, не сочиняя скороспелых теоретических конструкций, мы хотели бы отдать себя на волю своего «великого, могучего, правдивого и свободного» языка, во власть более чем двухтысячелетней филологической традиции. Пусть говорят нами и через нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Филология // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989.
4. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Текст в тексте. Тр. по знак. системам — XIV. Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 567. Тарту, 1981.
5. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тр. по русской и славянской филологии. Вып. 683. Тарту, 1986.
6. Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
7. Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990.
8. Философия филологии: круглый стол // Новое литературное обозрение. № 17.
9. Шаламов В. Из черновых записей 70-х годов // Новый мир. 1989. № 12.

